

мер по обеспечению безопасности является наличие достаточных данных, свидетельствующих о том, что имеется *реальная угроза* осуществления вышеуказанных противоправных действий в отношении участника уголовного процесса. Термин «реальная» следует понимать как действительно существующая, не воображаемая. Наличие достаточных данных, указывающих на реальную угрозу убийства и др., подразумевает совершение конкретных действий, направленных на реализацию противоправных деяний в отношении участника уголовного процесса, на непосредственный контакт с лицом, в отношении которого будут применены меры по обеспечению безопасности. Только при наличии явной угрозы жизни, здоровью и имуществу защищаемого лица могут быть применены предусмотренные законодательством меры по обеспечению безопасности.

Анализ оправдательных приговоров судов, вынесенных по делам о незаконном обороте наркотических средств, свидетельствует о том, что, оценивая показания свидетелей, в отношении которых применены меры по обеспечению безопасности, суд учитывает наличие достаточных оснований для применения данных мер (фактических данных о том, что имелась реальная угроза жизни, здоровью и имуществу участников уголовного процесса). В случаях необоснованного (по мнению суда) применения мер по обеспечению безопасности показания указанных лиц признаются недостоверными, что судом признается одной из причин вынесения оправдательного приговора.

Так, 24 декабря 2010 г. суд Ленинского района Могилева вынес оправдательный приговор в отношении Б., которая обвинялась в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Оценивая показания свидетеля Ф., суд учел, что процессуальные меры по обеспечению безопасности к этому свидетелю применены в ходе предварительного расследования без наличия оснований, предусмотренных ст. 65 УПК. В частности, суд указал, что из содержания постановления о применении мер по обеспечению безопасности не следует, что на момент применения данных мер имелись достаточные данные, указывающие на то, что имеется реальная угроза убийства Ф., применения насилия, уничтожения или повреждения ее имущества, осуществления других противоправных действий в связи с ее участием в уголовном процессе. Более того, при изучении уголовного дела таких оснований не установлено, поскольку сведений о конкретной реальной угрозе, лицах, от которых эта угроза исходила, а также времени, месте и других обстоятельствах, которые могли бы быть подтверждены при проведении соответствующей проверки до принятия решения о применении или неприменении мер по обеспечению безопасности, не имелось.

По мнению суда, необоснованное применение мер по обеспечению безопасности к свидетелю обвинения не позволило суду исключить возможность оговора Б. со стороны данного свидетеля и установить наличие между Б. и свидетелем личных отношений, проверить содержание этих отношений с целью исключения наличия у свидетеля оснований и причин для дачи в отношении Б. заведомо ложных показаний,носящих характер оговора.

Сложившаяся практика является противоречивой. С одной стороны, отсутствуют формальные нарушения закона со стороны органов уголовного преследования, а с другой – существует мнение судей, основанное на духе закона и зарубежной судебной практике (в частности, решениях Европейского суда по правам человека).

Разрешить данную проблему, как представляется, можно внеся изменения в ч. 1 ст. 65 УПК, изложив ее следующим образом: «Орган, ведущий уголовный процесс, при наличии достаточных данных, указывающих на то, что имеется *возможная* (курсив наш. – И.Ю.) угроза убийства, применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, осуществления других противоправных действий в отношении участника уголовного процесса, защищающего свои или представляемые права и интересы, а также иного участника уголовного процесса, членов его семьи и близких в связи с его участием в уголовном процессе, обязан принять предусмотренные законом меры по обеспечению безопасности этих лиц и их имущества».

Предложенное нами изменение действующего уголовно-процессуального законодательства в области применения мер по обеспечению безопасности участников уголовного процесса позволит исключить существующий дисбаланс в правах обвиняемого и других участников уголовного процесса, а также обеспечить надлежащую защиту жизни и здоровья последних.

УДК 343.137(476)

М.М. Якубель

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОФОРМЛЕНИЯ НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ

В соответствии с УПК Республики Беларусь предварительное расследование по уголовным делам, ведущимся в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии невменяемости, равно как и заболевших после совершения преступления психическим расстройством, осуществляется по правилам производства по применению принудительных мер безопасности и лечения. Особенность названного порядка процессуальной деятельности обусловлена закреплением в гл. 46 УПК ряда дополнительных гарантий, направленных на обеспечение защиты прав и свобод психически больных субъектов, не способных самостоятельно отстаивать свои законные интересы в уголовном процессе. Вместе с тем анализ положений указанной главы позволяет выявить ряд проблем в правовом регулировании данного института. Одной из них является законодательная неопределенность в части юридического оформления начала производства по применению принудительных мер безопасности и лечения: УПК не содержит указаний на возможность вынесения по данному поводу отдельного процессуального документа. Как следствие, о том, что предварительное расследование осуществляется по правилам гл. 46, в материалах уголовного дела нередко прямо свидетельствует лишь «постановление о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд». Более того, отсутствие в законе предписания о необходимости вынесения конкретного процессуального документа порождает непонимание лицами, расследующими дело, принципиального момента начала «особого» производства. Это подтверждается результатами анкетирования 255 следователей органов внутренних дел, согласно которым 22,5 % опрошенных указали, что документами, фиксирующими начало производства, регламентированного гл. 46 УПК, считают: протокол о невозможности участия лица в производстве следственных действий (1,7 % респондентов), протокол допроса подозреваемого или обвиняемого (1,1 %), постановление о назначении судебно-психиатрической экспертизы (1,1%), постановление о прекращении уголовного преследования (0,6 %), постановление о передаче уголовного дела прокурору в порядке ст. 444 УПК (1,1 %) и др. Очевидно, что такое положение не способствует совершенствованию системы процессуальных гарантий прав психически больных лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства.

В юридической литературе ранее уже высказывались предложения четко отграничить рамки «особого» производства от обычного. Так, П.А. Колмаков предлагает выносить в этом случае «постановление о признании лица нуждающимся в применении принудительных мер медицинского характера» [1, с. 14]. Однако, как справедливо отмечает А.Г. Яцкевич, вынесение следователем такого постановления как бы предопределяет судьбу психически больного. Между тем только суд может решить вопрос о том, нуждается ли данное лицо в применении таких мер [2, с. 8]. В.Ш. Гасанова [3, с. 15] и Р.М. Шагеева [4, с. 162] считают возможным выносить «постановление о возбуждении производства по применению принудительных мер медицинского характера», которое и являлось бы началом «особого» производства. Сходные идеи высказаны и М.Ш. Буфетовой. Однако наиболее приемлемой видится идея А.М. Ларина [5, с. 307], поддержанная А.Г. Яцкевичем [6, с. 94], о том, что процессуальный документ, знаменующий собой начало «особого» производства, необходимо именовать «постановление о начале производства по применению принудительных мер медицинского характера».

Л.Г. Татьяна полагает, что с момента получения заключения эксперта следователь должен вынести «постановление о прекращении уголовного преследования» (если лицо страдало на момент совершения противоправного деяния психическим заболеванием), а также постановление о признании данного субъекта лицом, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер психиатрического лечения. Если же в ходе экспертизы лицо было признано заболевшим после совершения преступления, то, по ее мнению, следователь должен был вынести «постановление о приостановлении уголовного преследования», чтобы после выздоровления лица решить вопрос о его привлечении к уголовной ответственности [7, с. 186].

Необходимость прекращения уголовного преследования в отношении участника рассматриваемого производства обоснована в современной отечественной процессуальной науке Л.И. Кукреш [8, с. 300]. Для обозначения начала рассматриваемого производства она предлагает выносить постановление о прекращении уголовного преследования лица, которое не сознавало характера своего общественно опасного действия или не могло руководить им в силу психического заболевания, и возбуждать производство по применению в отношении него принудительных мер безопасности и лечения.

Без сомнения, тезис Л.И. Кукреш и иных указанных выше авторов о необходимости четкого обозначения момента начала производства заслуживает поддержки, однако содержание п. 48 ст. 6 УПК не дает оснований говорить о возможности прекращения уголовного преследования в рассматриваемом случае, поскольку определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую в том числе и в целях применения к лицу, совершившему общественно опасное деяние, принудительных мер безопасности и лечения. Кроме того, представляется не совсем корректным в названии упомянутого процессуального документа использовать термин «возбуждение», поскольку к моменту принятия следователем решения проводить дальнейшее расследование в порядке «особого» производства уголовное дело, в рамках которого оно будет осуществляться, уже возбуждено. В этой связи более оправданно, по нашему мнению, говорить о начале «особого» производства.

Таким образом, в целях конкретизации процессуального порядка рассматриваемого производства необходимо внести в закон указание на то, что решение следователя об осуществлении «особого» производства должно быть оформлено в виде постановления о начале производства по уголовному делу о применении принудительных мер безопасности и лечения. С момента вынесения указанного постановления все дальнейшее расследование должно проводиться по правилам гл. 46 УПК.

Что же касается процессуального порядка оформления выносимого документа, то видится целесообразным предусмотреть в законе обязанность следователя предоставлять его для ознакомления защитнику и законному представителю подозреваемого либо обвиняемого, страдающего психическим расстройством. Указанное предписание будет способствовать информированию этих участников об основных обстоятельствах расследования, а если к моменту вынесения постановления они не участвовали в деле, позволит на более ранних этапах процессуальной деятельности привлечь их к производству.

1. Колмаков П.А. Процессуальное положение лица, нуждающегося в применении принудительных мер медицинского характера: стадия предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Л., 1985.
2. Яцкевич А.Г. Процессуальное положение лиц, участвующих в производстве по применению принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 1992.
3. Гасанова В.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2006.
4. Шагеева Р.М. Проблемы применения принудительных мер медицинского характера. М. : Юрлитинформ, 2007.
5. Ларин А.М. Производство по делам о применении принудительных мер медицинского характера // Уголовно-процессуальное законодательство Союза СССР и РСФСР : теорет. модель. М., 1990.
6. Яцкевич А.Г. Производство по применению принудительных мер медицинского характера: правовой статус участников. Минск : Веды, 1999.
7. Татьяна Л.Г. Процессуальные проблемы производства по уголовным делам с участием лиц, имеющих психические недостатки: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. Ижевск, 2003.
8. Кукреш Л.И. Невменяемый не может быть обвиняемым // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : тезисы докл. Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 2009.